

НиколАйщина

интеллектуальный мазохизм
под ликом духовного поиска

Дарья Корякина

Дарья Корякина Николайщина: интеллектуальный мазохизм под ликом духовного поиска

<https://litres.ru/74445278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Речь пойдёт о культе — устойчивой, доведённой до совершенства практике самолюбования через страдание, о её ритуалах, её текстах, её экономике, её жертвах и её жрецах. У феномена было много имён в разные времена. Здесь и далее мы будем называть его николайщиной — по рабочему прозвищу, придуманному в узком кругу как ярлык, а оказавшемуся хирургическим инструментом.

Читатель, которому книга адресована, — человек одарённый. Массовый обыватель прячется от жизни грубее и дешевле: алкоголь, потребление, шум. Ему не нужен трактат, ему нужно другое. Одарённый прячется на порядок изящнее: цитатой, кризисом, миссией, ритуалом, эстетикой. Николайщина — болезнь роскошной ткани. Ею болеют не худшие, а лучшие, и в этом её главная опасность. Пока грубый обыватель за десять лет всё-таки успевает построить дом, вырастить ребёнка

и посадить дерево, тонкая натура за те же десять лет успевает написать несколько тетрадей об экзистенциальном одиночестве и не сделать ни одного собственного шага.

Содержание

Врата	5
Часть первая. Диагноз	8
Глава 1. Явление, у которого до сих пор не было имени	8
Глава 2. Короткая история идеи «благородного страдания»	11
Глава 3. Николайщина и клиника: где кончается право слова	13
Часть вторая. Анатомия	15
Глава 4. Пять корней. Откуда растёт культ страдания	15
Глава 5. Скрытая гордыня. Изнанка каждой ложной скромности	19
Глава 6. Корона «я уже». Нарциссизм подмены пути результатом	21
Глава 7. Виды нарциссизма. Пять фасадов одной пустоты	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дарья Корякина Николайщина: интеллектуальный мазохизм под ликом духовного поиска

Врата

*Мы можем познать только то, чем перестаём
быть.*

Марсель Пруст

У каждой эпохи есть свой любимый способ не жить. У викторианцев это была респектабельность, у советского человека — коллектив, у современного западного мира — терапевтический словарь. Но существует и более древняя, более изысканная форма отказа от жизни, доступная почти исключительно людям одарённым. Мы её называем духовностью, тонкой натурой, глубиной, поиском. Она носит одежду мыслителя и говорит голосом мистика. И именно поэтому её никто не смеет тронуть.

Настоящая книга посвящена этой форме и никакой дру-

гой. Речь пойдёт не о клинической депрессии, требующей врача. Не о переживании настоящей утраты. Не о законной боли человека, у которого что-то отобрали. Речь пойдёт о культе — устойчивой, доведённой до совершенства практике самолюбования через страдание, о её ритуалах, её текстах, её экономике, её жертвах и её жрецах. У феномена было много имён в разные времена. Здесь и далее мы будем называть его *никотайщиной* — по рабочему прозвищу, придуманному в узком кругу как ярлык, а оказавшемуся хирургическим инструментом.

Читатель, которому книга адресована, — человек одарённый. Массовый обыватель прячется от жизни грубее и дешевле: алкоголь, потребление, шум. Ему не нужен трактат, ему нужно другое. Одарённый прячется на порядок изящнее: цитатой, кризисом, миссией, ритуалом, эстетикой. Никотайщина — болезнь роскошной ткани. Ею болеют не худшие, а лучшие, и в этом её главная опасность. Пока грубый обыватель за десять лет всё-таки успевает построить дом, вырастить ребёнка и посадить дерево, тонкая натура за те же десять лет успевает написать несколько тетрадей об экзистенциальном одиночестве и не сделать ни одного собственного шага.

Правило чтения простое. Не примеряйте описание на соседа. Не читайте эту книгу как публицистику о чужих недостатках. Всё, что здесь сказано, сказано о вас. Не потому что автор о вас что-то знает, а потому что человека, который бе-

рёт такую книгу в руки, обычно приводит сюда не любопытство. Приводит сюда усталость от прежней формы. И тогда чтение становится работой, а не развлечением.

Часть первая. Диагноз

Глава 1. Явление, у которого до сих пор не было имени

Мы называем несчастьем то, что мешает нам жить так же трусливо, как раньше.

Э. М. Чоран

Есть в природе человеческой одна конструкция, которая не описана ни в одном учебнике по психиатрии, потому что не является болезнью. Не описана ни в одном курсе по этике, потому что не является пороком. Не описана ни в одном духовном каноне, потому что искусно подделывается под сам этот канон. Речь о состоянии, в котором человек ***превращает свою неспособность жить в главное произведение своей жизни***. Он выставляет боль на пьедестал, обходит его свечами, разучивает вокруг него ритуальный танец и приглашает публику.

Такое состояние живёт под многими масками. Оно может называться меланхолией у поэта, кризисом веры у мистика, глубоким одиночеством у философа, невыносимой лёгкостью бытия у аристократа духа. Все эти маски — законные жанры культуры, у каждого есть свои великие мастера. Про-

блема начинается там, где маска вырастает в лицо, где жанр перестаёт быть выбранной формой и становится единственной возможной. Там, где человек уже не носит траурное платье, а сам стал траурным платьем.

Николайщина — это когда страдание перестаёт быть переживанием и становится идентичностью. Когда несчастье превращается в профессию, из которой нельзя уволиться, потому что тогда исчезнешь ты сам. Когда любое исцеление, любой выход, любая свобода воспринимаются как угроза, потому что отменяют повод существовать. Носителя такой конструкции почти невозможно спасти извне: сама попытка спасения раздражает его как святотатство. Он не проваливший ученик светлого пути, он — верующий тёмного и потому в спасении не нуждается.

Ключевая особенность феномена: у него всегда есть эстетика. Николайщина никогда не выглядит как простое уныние. Она красива. У неё длинные пальцы, точные цитаты, интересная бледность, тонкий вкус в музыке, мрачноватый юмор, безукоризненная стилистика. В этом ловушка. Пока обыватель распознаёт грубую хандру за версту, тонкий человек попадает в притяжение *красиво страдающего собеседника* и не может понять, почему после каждой встречи с ним у него отнимается сила.

Три общих признака явления

Первое — процесс важнее результата. Разговор ценнее решения. Само страдание ценнее исцеления. Второе — уникальность важнее контакта. Собеседник нужен как зритель, а не как равный. Третье — язык важнее реальности. *Формулировка боли ценнее самой боли, красота позы ценнее прожитой правды.* Три этих признака вместе образуют устойчивую конструкцию, которую и предстоит препарировать.

Глава 2. Короткая история идеи «благородного страдания»

Каждая эпоха выбирает себе форму, в которой она соглашается быть несчастной.

Из позднего сборника размышлений о культуре XX века

Идея, что страдание облагораживает, — не выдумка одного века. Она сопровождает человечество столько же, сколько сама человеческая рефлексия. Античность знала героев, чьё величие измерялось стойкостью в несчастье. Средневековая аскеза видела в добровольном мучении путь к Богу. Романтизм сделал страдающего гения главным героем культуры и оправдал его слабости фактом одарённости. Символизм и декаданс превратили страдание в изысканное блюдо для узкого круга. Экзистенциализм XX века выпустил идею на массовый рынок: *страдать теперь могли не только избранные, но каждый интеллектуально претенциозный юноша с университетским билетом.*

В каждой из этих эпох идея имела законное основание. Стоик страдал не потому, что любил боль, а потому что в мире, где нельзя избежать её, свобода приходит через невозмутимость. Христианский мистик мучился, потому что искал реального внутреннего преображения. Романтик стра-

дал, потому что чувствовал, как мир теряет живую тайну под колёсами промышленной эры. Экзистенциалист страдал, потому что впервые оказался в мире без готовых смыслов.

Николайщина забирает у всех этих школ форму и выбрасывает содержание. Она берёт позу стоика, но без стоической свободы. Позу мистика, но без реального преображения. Позу романтика, но без живой чувствительности к миру. Позу экзистенциалиста, но без честного столкновения с ничто. *Остаётся только внешний контур: усталое благородство лица, глубокая формулировка, презрительный жест в сторону простоты.* Форма выжила, содержание испарилось. Именно это и продаётся сегодня на всех уровнях культуры как «глубокая натура».

Особенно быстро процесс идёт последние тридцать лет. Прежде культура страдания требовала образования и труда, чтобы хотя бы правдоподобно выглядеть. Сегодня достаточно нескольких цитат, правильной ленты, ночного самокопания в присутствии одного зрителя. ***Николайщина стала массовым продуктом.*** Каждый третий человек, у которого есть смартфон и полтора любимых автора, уже носит её ленты как ордена.

Глава 3. Николайщина и клиника: где кончается право слова

Прежде чем идти дальше, необходимо провести границу, за которую книга не заходит. Есть страдания, которые не подлежат никакому препарированию. Тяжёлая депрессия, посттравматическое расстройство, острая утрата, война, насилие, физическая боль — всё это требует не философа, а специалиста. У человека, вернувшегося из ада, никаких «культов страдания» разбирать нельзя. Ему нужна помощь, тишина, время, врач, семья. Разговор об интеллектуальном мазохизме к нему не имеет отношения.

Книга обращена к другой категории. К тем, у кого есть ресурс: интеллект, образование, здоровье, деньги, время. К тем, кто *мог бы жить полно, но выбрал не жить*. К тем, кто не в яме, а в декорации ямы. К тем, чьи страдания хорошо освещены и красиво поставлены. Такому человеку врач помочь не может, потому что он не болен. Ему может помочь только жёсткий разбор, честное зеркало и последующее самостоятельное действие.

Читатель, который сомневается, в какой категории он сейчас, — задайте себе один вопрос. Если бы завтра вы проснулись здоровым, свободным, богатым, любимым и востребованным, — стали бы вы скучать по своей нынешней главной боли? По разговорам о ней? По статусу человека, у которого

«всё непросто»? Если ответ честный «нет», у вас клинический случай, и книга не про вас. Если ответ честный «скорее да», книга про вас, и работа предстоит серьёзная.

Часть вторая. Анатомия

Глава 4. Пять корней. Откуда растёт культ страдания

Ни одно устойчивое явление в психике не держится на одной опоре. Николайщина стоит на пяти. Каждая опора сама по себе объяснима и по-человечески понятна. Смертельны их сумма.

Первый корень. Страх ответственности

Быть живым — значит признавать, что твоя жизнь есть результат выборов. Работа, партнёр, город, тело, круг общения, привычки — за каждым фактом стоит твоя воля. Признать это невыносимо, потому что тогда некого винить. Проще перевести причины наружу: судьба, эпоха, семья, страна, гены, звёзды, кундеровская лёгкость бытия. Страдание — идеальный экран: *если я страдаю, значит я жертва, значит не отвечаю*. Николайщина строится на этом экране и охраняет его как святыню.

Второй корень. Страх обычности

Одарённый человек с детства получает подтверждение, что он не такой, как все. Учителя, родители, первые успехи. Внутри складывается уверенность в собственной особенностях, за которой стоит тайная сделка с самим собой: *я не буду обычным, что бы это ни значило*. Но взрослая жизнь равнодушна к детским особенностям. Она предлагает обычные задачи: заработать, договориться, построить, выдержать. Одарённый обнаруживает, что в обычных задачах он ничем не выделяется. Такое открытие невыносимо, и он ищет способ вернуть себе особенность. Страдание — самый доступный способ. Оно ничего не требует, кроме подходящего лица.

Третий корень. Страх уязвимости

Чтобы жить полно, нужно рисковать: делать, любить, показывать, ошибаться, проваливаться, снова делать. Каждый шаг открывает возможность быть отвергнутым, осмеянным, неувиденным. Николай выбирает не рисковать. Он остаётся внутри своей крепости и объявляет её высшей формой жизни. Внешне это выглядит как гордый отказ от суеты. Внутренне — простая невозможность выйти под открытое небо.

Четвёртый корень. Экономика внимания

Здоровый и счастливый человек получает мало социального внимания. Никто не звонит, чтобы спросить, как поживает ваш успех. Все звонят, чтобы поплакаться о своём горе. Страдание — валюта, обеспечивающая приток внимания. Оно даёт право писать длинные ночные сообщения, часами оккупировать чужой ресурс, требовать сочувствия, ждать поддержки, обижаться на её отсутствие. *Николайщина — экономическая модель, в которой боль монетизируется в человеческий контакт.*

Пятый корень. Легальный отказ от труда

Быть счастливым — колоссальный труд. Ежедневный, скучный, повторяющийся: тело, режим, работа, отношения, деньги, границы, обучение. Страдание освобождает от труда. Страдающему всё прощается. Он не идёт в спортзал, потому что душа болит. Он не работает, потому что мир жесток. Он не строит отношений, потому что все люди мелки. *Николайщина — легальный больничный лист сроком на всю жизнь, выписанный самому себе.*

Пять корней держат конструкцию, и вырубить один — не значит её сломать. Работать нужно со всеми пятью одновре-

менно, иначе оставшиеся четыре быстро отрастят пятый.

Глава 5. Скрытая гордыня. Изнанка каждой ложной скромности

*Тщеславие бедняка носит рваные одежды,
тщеславие мудреца — усталое лицо.*

Восточный афоризм в вольной передаче

Если провести луч сквозь любой красиво страдающий текст, в его сердцевине почти всегда обнаруживается одно и то же — гордыня. Не яркая, не декларативная, а тонкая, охлаждённая, стилизованная под смирение. Николай никогда не скажет «я лучше вас». Он скажет иначе: «мне сложнее, чем вам», «я тоньше устроен», «мне видно то, чего вы не видите», «я один из немногих, кто способен вынести эту глубину». Эффект тот же, но снаружи выглядит как *страдающая скромность*.

Скрытая гордыня отличается от открытой одним свойством — её нельзя оспорить. Открытая гордыня опровергается фактами. Скрытая укрывается за фактом собственной боли: боль неоспорима, значит и позиция сверху неоспорима. Именно поэтому николая почти невозможно втянуть в честный спор. Как только вы указываете на слабое место, он переводит разговор в регистр страдания, и вы автоматически превращаетесь в жестокого человека, который бьёт лежащего.

Различить скрытую гордыню в самом себе — самая трудная задача трактата. Внешне она никак не проявляется, внутренне маскируется под благородство. Есть один надёжный признак. Если ваши мысли о других людях чаще всего звучат как «они не поймут», «они мельче», «их устроит меньшее», «им проще» — вы носите корону, и она из николайщины. Настоящее смирение говорит иначе: «мы стоим перед одинаковыми задачами, у меня просто свои версии».

Глава 6. Корона «я уже». Нарциссизм подмены пути результатом

У любого нарциссизма — личностного, статусного, интеллектуального, сексуального, духовного — есть общий двигатель. Формула из двух слов: «я уже». Уже глубокий, уже пробуждённый, уже автор, уже мастер, уже пришедший. Формула отменяет путь. Она надевает венец до победы и запрещает себе любое действие, которое могло бы его подтвердить или опровергнуть.

Разница между «я уже» и «я иду» кажется незначительной, но по последствиям она катастрофическая. Тот, кто говорит «я иду», может позволить себе неудачу: она часть пути. Тот, кто говорит «я уже», позволить себе неудачу не может: она отменяет корону. Поэтому первый рискует, второй — консервируется. Первый учится, второй — защищается. Первый растёт, второй — устаёт удерживать декорацию.

«Я уже» — налог на будущее. Каждый день вы платите налог тем, что не делаете реальных шагов, потому что реальный шаг угрожает короне. Через десять лет платежей вы оказываетесь в точке, где корона стала единственным вашим имуществом, а живого человека под ней уже нет.

Наблюдать в себе формулу можно так. Возьмите десять описаний себя, которыми вы обычно пользуетесь: в разговоре с новыми людьми, в биографии, в мыслях. Уберите

из них слова, обозначающие процесс: «изучаю», «работаю над», «строю», «пробую». Оставьте только слова, обозначающие статус: «эксперт», «автор», «мастер», «наставник», «пробуждённая», «глубокая». Посчитайте, сколько статусных слов имеют под собой ежедневную практику последних двенадцати месяцев, а сколько живут декларацией. Разница между декларацией и практикой и есть объём вашей короны.

Глава 7. Виды нарциссизма.

Пять фасадов одной пустоты

Нарциссизм редко приходит в одиночестве. У него есть пять больших фасадов, за которыми обычно скрывается одна и та же пустота. Их полезно назвать по отдельности, потому что каждый обманывает по-своему.

Фасад первый. Личностный

Классика: человек, живущий вокруг собственного отражения. Требуется восхищения, не переносит критики, воспринимает других как декорации к себе. Легко распознаётся окружающими, редко распознаётся собой. Работать с ним снаружи почти невозможно.

Фасад второй. Статусный

Человек, идентифицирующий себя с должностью, званием, брендом, кругом. Внутренне пустой, но внешне обклеен ярлыками. При исчезновении статуса теряет опору полностью. В николайщину переходит легко: когда статус исчезает или блекнет, страдание об этом становится новой формой прежней значительности.

Фасад третий. Интеллектуальный

Самый опасный для одарённого читателя. *Сильный ум используется не для препарирования реальности и/или созидания, а для производства собственного величия.* Такой человек говорит блестяще, читает много, цитирует свободно, но ни одно его высказывание не выводит собеседника ни к какому действию. После разговора остаётся впечатление плотной мысли и лёгкая пустота: было о чём подумать, но нечего сделать. *Признак интеллектуального нарциссизма — устойчивое ощущение собственного превосходства над собеседником и невозможность признать, что кто-то мог сказать что-то, чему стоит учиться.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.